

7. Hannula U. Me teemme mitä tahdomme. Helsinki, 1933. S. 67.
8. Лапуаского движения назывались и «партией сине-черных» (лапуасцы сами себя часто называли «черно-синими»; это название происходит от того, что во всех торжественных случаях они носили на левом рукаве (выше локтя) черно-синюю повязку с буквами «ЛЛ», то есть «Лапуаский закон»).
9. Спекке Б. Фашизм в Финляндии (Лапуаское движение в Финляндии). Л., 1931. С. 53.
10. Perälä R. Lapuan liike ja sanan mahti. Rovaniemi 1998. S. 27.
11. Ibid. S. 30.
12. Ibid. S. 147.
13. Nygård T. Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välissä. Jyväskylä, 1982. S. 193.
14. Talonpoikainmarssi. Porvoo, 1930. S.26.
15. Tasavallan vuodet 1917 - 1987. Helsinki, 1987. S. 368.
16. Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 81.
17. Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset. Keuruu, 1985. S.80.
18. Suomi 75. Itsenäisen Suomen historia. Jyväskylä, 1987. S.100.
19. Meri V. Suurta olla pieni kansa. Itsenäinen Suomi 1920 - 1940. Helsinki, 1996. S.163.
20. Somersalo A. Totuus Mäntsälästä. Helsinki, 1932. S. 39.
21. Selén K. Sarkatakkien maa. Suojeluskuntajärjestö ja yhteiskunta 1918 - 1944. Helsinki, 2001. S. 251.
22. Ahti M. Kaappaus? Suojeluskuntaselkkaus 1921, Fasismin aave 1927, Mäntsälän kapina 1932. Keuruu, 1990. S. 119.
23. Meinander H. Tasavallan tiellä. Suomi kansalaissodasta 2000 - luvulle. S. 92 - 93.

В. Н. Барышников

Советско-финляндские отношения летом 1940 г.: к вопросу о возможном начале новой войны.

В финской исторической литературе существует устойчивое положение о том, что летом 1940 г. Советский Союз готовился опять напасть на Финляндию и осуществить все те «масштабные замыслы», которые оказались не решенными в период так называемой «зимней войны».

Основополагающим для такого утверждения служила оценка тех весьма серьезных событий, которые наблюдались в то время в Балтийском регионе. Прежде всего, нарастало внимание советской внешней политики в отношении к западным соседям Советского Союза, в частности, в Прибалтике. Кульминационным моментом в этом считалось присоединение к СССР Эстонии, Латвии и Литвы. Причем 14 июня, в день, когда в Москве начался переговорный процесс с прибалтийскими государствами, закончившейся, как известно, такими последствиями, что эти страны вошли в состав Советского Союза, недалеко от Эстонии над акваторией Финского залива был сбит советскими ВВС финский пассажирский самолет «Калева». Как затем заметил известный историк Арви Корхонен, это означало, что «путь из Финляндии был окончательно перерезан» /1/.

В Хельсинки появилось тогда основание расценивать произошедшее подобно тому, что случилось осенью 1939 г., когда вслед за прибалтийскими странами настал черед Финляндии. Как мрачно заметил финский посланник в Москве Ю. К. Паасикиви, «уже в июне в связи с оккупацией прибалтийских стран начинают поговаривать о судьбе Финляндии и намерениях России». Здесь же он подчеркнул, что слухи об опасности для его государства исходящей со стороны СССР, пытающегося повторить прибалтийский сценарий «достигают в июле-августе своего апогея» /2/.

Действительно, в это время наступила определенная по-

лоса дипломатического давления на финляндское правительство. В свою очередь фиксировалось и финскими разведывательными службами, что наблюдалось и определенная концентрация советских войск на границе с Финляндией /3/. В самой же Финляндии отмечался факт активизации деятельности созданного в мае 1940 г. Общества мира и дружбы с СССР. Это общество в официальных кругах стали рассматривать чуть ли не как общество агентуры Советского Союза.

Однако можно ли было все это расценивать как предвестник того, что в СССР уже начали подготовку к «новому нападению» на Финляндию или что опять стал разыгрываться «прибалтийский сценарий»?

Отвечая на этот вопрос, заметим то, что, по данным финского руководства, отношение с СССР летом 1940 г. явно портилось. Поговаривали даже о появлении угрозы возможного возникновения войны. Действительно, события тогда стремительно нарастали в негативном направлении в отношениях между двумя странами и достигли своей кульминационной точки в начале августа 1940 г. Характерно, какой вывод делал тогда финский посланник в Москве Ю. К. Паасикиви. В своем донесении в Финляндию в августе 1940 г он особо предостерегал: «...Хотя мы как-то пытаемся удовлетворить Советский Союз, мы все-таки не сможем избежать войны» /4/. Посланник особо обращал внимание на публикации советских газет относительно Финляндии, говоря, что они «вызывают оживленное обсуждение в дипломатических кругах Москвы». Объяснял же данный факт Паасикиви тем, что в этом заключен «вопрос о планирующихся действиях против Финляндии» /5/. Подобные утверждения подкреплялись сведениями, которые стали поступать в Хельсинки о уже начавшейся в первой половине августа увеличении количества советских войск у границы с Финляндией.

В результате ситуация представлялась для Финляндии более чем критической. Характерно, что главнокомандующий маршал Маннергейм поставил даже 8 августа вопрос о срочном созыве Государственного совета, чтобы принять решение о про-

ведении частичной мобилизации. Вслед за этим 10 августа отбыл из Москвы финский посланник. По прибытии в Хельсинки он сразу же стал вести консультации о политическом положении Финляндии с президентом, членами правительства и лично с К. Г. Маннергеймом. Это свидетельствовало о том, насколько серьезно воспринимало финское руководство ход развития отношений с Советским Союзом.

Таким образом, в Хельсинки начали очевидно, считать, что в Москве уже приступили к реализации «прибалтийского сценария» для Финляндии и над страной явно нависла серьезная опасность.

Однако единственным реальным доказательством этому могли стать неопровержимые сведения о реальной концентрации советских войск на финской границе, как это происходило до того у границ прибалтийских государств. Информация подобного характера тоже имела у финского руководства, но носила тогда лишь форму устойчивых слухов, которые постоянно проникали в его дипломатические круги, следившие за ситуацией складывающейся вокруг Финляндии.

Возникал при этом вопрос, насколько реальными были циркулирующие тогда слухи и что за ними могло скрываться?

Действительно, можно говорить о том, что тогда со стороны военного руководства СССР начал нарастать интерес к зоне Балтийского региона. Он во многом был связан с общим изменением ситуации в Европе в ходе продолжающейся мировой войны. Сокрушительное поражение Франции в июне 1940 г. создавало совершенно новую военно-политическую обстановку. В Москве не могли не учитывать произошедшее, также как и то, что Германия все больше начала обращать внимание на Восточную и Северную Европу.

В СССР, естественно, с учетом менявшейся обстановки стали приступать к подготовке новых оперативных разработок и, в частности, в зоне ответственности советского Балтийского флота.

Так, уже в июле 1940 г. в штабе КБФ ставился вопрос о

необходимости учитывать, что в случае возможной войны против Германии для советского флота будет крайне важно осуществлять контроль над финскими Аландскими островами. Причем, как отмечалось, следовало эту задачу решать «немедленно» и «вплоть до войны» из-за них, поскольку «все эти возможности используют немцы и создадут этим для нас большие трудности, потребуют больших жертв» /6/. Из такого «решительного замысла», как отмечает российский исследователь П. В. Петров, «видно, что возможность повторной войны с Финляндией в 1940 г. им не исключалась» /7/.

Однако это были лишь пока предварительные соображения, рожденные в штабе флота и, по своей сути имели тогда явно нереальный характер. Они могли прежде всего представлять определенную ценность лишь в том смысле, что здесь угадывалось нарастающая озабоченность советского военного командования перспективой войны против Германии на Балтике.

Другим же важным фактором, который, несомненно, влиял на принимавшиеся в СССР решения, было наблюдавшееся развитие германо-финляндских военных связей. Хорошо известно, что именно в это время в Германии уже началась разработка плана нападения на СССР. Учитывая стратегическую важность финской территории для перспективы ее использования в войне против Советского Союза, в рейхе, естественно, стали усиливать связи с финляндским руководством. Эта тенденция четко проявилась именно летом 1940 г., что сразу же вызывало особую озабоченность руководства СССР. В Москву поступали весьма обстоятельные сообщения о расширении контактов рейха с Финляндией. Даже финляндский посланник в СССР Паасикиви не мог не заметить данное явление. Тогда он прямо предупреждал свое руководство, что в Финляндии «очевидно имеется широкая разведывательная сеть Советского Союза в силу чего надо быть исключительно осторожными в разговорах» /8/.

В Москве, естественно, весьма серьезно начали реагировать на наращивание финско-германского сотрудничества. Да и

советское полпредство в Хельсинки «забило тревогу». 1 августа полпред И. С. Зотов направил достаточно взволнованное донесение в Москву, где поставил перед Молотовым вопрос: «Можем ли мы уступать немцам Финляндию?» Сам же, отвечая на это, писал: «Нет, не можем. Нам не безразлично, кто и как будет помогать Финляндии. Наконец, мы не можем допускать, чтобы идея реванша, вынашиваемая правящей кликой и работа по созданию связей с Германией, увенчалась успехом и была бы закреплена». По словам полпреда, необходимо было «отрезать все пути новой ориентации Финляндии» и «сделать еще один активный шаг в нашей внешней политике по отношению к Финляндии» /9/.

Какой конкретно шаг следовало советскому руководству предпринять Зотов не назвал, да и вообще вряд ли были у него на этот счет продуманные предложения. По мнению одного из сотрудников полпредства, представлявшего органы НКВД Е. Т. Сеницына (Елисеева), «дипломатический корпус Советского Союза в Финляндии, включая и посланника... работали слабо, безынициативно и непрофессионально» /10/.

Обстановка же на советско-финляндской границе, бесспорно, требовала особого внимания. Тогда с советской стороны были отмечены начавшиеся новые военные приготовления финской армии. Разведка Ленинградского военного округа докладывала командованию, что в течение августа в Финляндии «провели ряд мероприятий, по мобготовности частей армии» и «произведено перемещение некоторых частей в секторе госграницы» /11/.

По этому поводу Молотов адресовал 3 августа Паасикиви соответствующий запрос /12/. А затем при встрече с заместителем министра иностранных дел Швеции Э. Богеманом 19 августа Молотов посчитал необходимым сказать следующее: «Военные меры, принимаемые Финляндией на границе с СССР, и враждебные СССР высказывания, которые имеют место в кругах правительства Финляндии, вызывают законное недоумение СССР... Непонятно, чего хотят финны достигнуть такими дейст-

виями и такими разговорами» /13/.

Ответом на это все стало то, что в Москве считали возможным проведение в отношении Финляндии достаточно жесткой политики давления, которая проявлялась в начале лишь в области экономических и культурных отношений. Более того, в СССР подобная политика рассматривалась как неплохой повод для выяснения внешнеполитической ориентации Финляндии и даже оказания на Хельсинки определенного влияния.

Вообще же в экономическом сотрудничестве между СССР и Финляндией явно наблюдалось определенное ухудшение. Причем обе стороны возлагали ответственность за это друг на друга. Как, в частности, считали в советском полпредстве, «Финляндия фактически начала торговую войну» с Советским Союзом /14/. При этом показательным было стремление Финляндии активизировать в то же время экономические контакты с другими странами. В частности, 29 июня между Германией и Финляндией было подписано торговое соглашение, по которому доля Германии во внешней торговле Финляндии составила до 40 процентов /15/.

Весьма негативно воспринимался в Москве и отрицательный подход финского руководства к деятельности Общества мира и дружбы с СССР. Против него официальные власти Финляндии развернули прямо таки репрессивную деятельность. Массовые мероприятия, организовывавшиеся Обществом, нередко заканчивались столкновением с полицией. В представленном в Москву донесении, полпред Зотов писал, что «гонения и репрессии на членов Общества мира и дружбы... надо рассматривать, как нежелание финляндского правительства поддерживать мир и дружбу между странами» /16/. Тогда в советской печати еще сильнее стала звучать критика Финляндии. Наблюдая это, Паасикиви вынужден был с горечью отметить, что «крайне опечален данными событиями» /17/.

Наркомат иностранных дел принялся активно проводить линию, направленную на то, чтобы оказать давление на финляндское руководство и таким образом уточнить и скорректи-

ровать финскую политику. В августе И. С. Зотов имел продолжительную беседу с премьер-министром Р. Рюти, в ходе которой с его стороны конкретно был поставлен вопрос о складывавшейся ненормальной обстановке в отношениях между двумя странами /18/. Неоднократно в этом же направлении велись переговоры Молотова с Паасикиви.

В данной ситуации 1 августа 1940 г. Молотов сделал доклад о внешней политике на сессии Верховного Совета СССР /19/. В своем выступлении он особо обратил внимание на оценку отношений между Советским Союзом и Финляндией, подчеркнув, что хорошее их развитие «зависит прежде всего от самой Финляндии» /20/.

Однако положения, которые были изложены наркомом иностранных дел относительно Финляндии, расценили в финском представительстве в Москве прямо таки, как проявление «советской угрозы» /21/. Все попытки Паасикиви проводить мысль о том, что народ и правительство Финляндии «стремятся к хорошим отношениям с Советским Союзом» мало уже воспринималось руководством СССР /22/.

Таким образом, обстановка в развитии советско-финляндских отношениях была весьма непростой. Характерно, что доводы в публикациях финских исследователей о нарастающей угрозе Финляндии со стороны СССР трактуются в данном случае как вполне обоснованные.

Но требуется в данной связи отметить, что для Москвы стремление каким-то образом повлиять на Финляндию было тогда крайне сложным делом. Складывающиеся двухсторонние отношения вовсе не благоприятствовали тому, чтобы как-то их изменить в лучшую сторону. Было также очевидно, что попытка скорректировать финский внешнеполитический курс путем дипломатических переговоров и критических выступлений в печати оказалась вообще мало эффективной. Все это, если вспомнить опыт предшествующих событий кануна «зимней войны», свидетельствовало о том, что Москва могла в данном случае опять не остановиться и более того постараться силой заставить

Финляндию изменить свою позицию.

К тому же следует учитывать, что наряду с общими формами дипломатического давления советское руководство также стремилось усилить свои позиции в Финляндии путем специального рассмотрения с финскими представителями отдельных проблем. Это касалось положений, связанных с Аландскими островами, а также в связи с уточнением условия нахождения советских войск на военно-морской базе в Ханко.

Тогда, летом 1940 г., был в частности поставлен вопрос относительно причин начала строительства на Аландских островах финских укреплений, хотя данная территория Финляндии являлась с 1921 г. демилитаризованной зоной. Молотов прямо заявил финляндскому посланнику: «Позиция Советского Союза сводится к тому, чтобы Аландские острова не вооружались. Если же Финляндия желает их вооружать, то мы хотим участвовать в этом вооружении» /23/.

Учитывая то, что Аландские острова являлись стратегически важным районом Балтийского моря, данная проблема приобрела весьма острый характер. Паасикиви в то время сообщал в Хельсинки, что, по его мнению, в сложившейся обстановке «едва ли возможно иное развитие событий, чем решение вопроса о прекращении военного строительства, чтобы таким образом избежать конфликта» с Советским Союзом /24/. Тогда финский посланник хорошо улавливал, что столь жесткая постановка СССР вопроса об Аландских островах была в первую очередь связана с крупными военными успехами Германии в Европе, которые, естественно, «усилили ее положение и на Балтике» /25/. В Москве же это «вызвало озабоченность и, исходя из оценки военных мотивов, там начали обдумывать новые меры безопасности» /26/.

Хельсинки в складывающейся ситуации решили согласиться с советским руководством и ему было сообщено о прекращении военного строительства на островах. Однако решение финского правительства вызвало в Москве новое предложение. Теперь уже речь шла о создании на архипелаге совет-

ского консульства /27/. Таким образом СССР постарался усилить свое дипломатическое присутствие в данном регионе, ограничивая тем самым возможные внешнеполитические маневры Финляндии.

Переговоры относительно проблемы касающейся Аландских островов начали затягиваться. Причем к данному обсуждению стала проявлять повышенный интерес и Германия. Полпред в Берлине А. А. Шкварцев вынужден был специально сообщить И. Риббентропу, что «слухи о трениях между СССР и Финляндией по вопросу об Аландских островах совершенно не соответствуют действительности» /28/. Но только лишь 11 октября 1940 г. эти переговоры, наконец, завершились, подписанием специального соглашения. Это соглашение подтверждало демилитаризованный статус Аландов и открывало возможность создания на них советского консульства /29/.

Тем не менее в период, когда была достигнута данная договоренность, сложилась новая ситуация вокруг Финляндии и аландский вопрос уже не был столь актуальным. В результате, очевидно, что Москва стремилась добиться максимального дипломатического влияния на Финляндию, но эти действия нередко просто становились мало эффективными в условиях динамично меняющейся ситуации в Европе.

Тоже самое можно было сказать и о Ханко. Пытаясь активно использовать столь важный фактор во внешней политике как наличие своей военно-морской базы на финской территории, советское руководство уже 8 июля 1940 г. поставило вопрос о возможности организации транспортных перевозок на базу через Финляндию по железной дороге. Естественно, это создавала определенную уязвимость для финской обороны.

В августе начались официальные переговоры по данной проблеме. В Москву с этой целью прибыла специальная финляндская делегация. Как отметил в своих мемуарах Паасикиви, «нашей задачей являлось так организовать транзит, чтобы это не являлось опасным для обороны» Финляндии /30/. Прошедшие переговоры закончились достижением в начале сентября соот-

ветствующей договоренности.

Тем не менее, не смотря на то, что при решении отдельных локальных проблем СССР все же добился определенных результатов, этот итог не имел, однако, кардинально важного значения для дальнейшего позитивного развития советско-финляндских отношений. Более того проявление активности советских дипломатов использовалось совершенно в противоположном направлении. В Хельсинки результаты советско-финляндских переговоров рассматривались, как доказательство растущей «угрозы с востока» и выражалось при этом заинтересованность в расширении сотрудничества с Германией, в качестве «противовеса» Советскому Союзу. Характерно в данном случае то, что тогда уже был дан старт тайным германо-финским переговорам, которые завершились тем, что на севере Финляндии в сентябре 1940 г. стали размещаться немецкие войска.

В этой ситуации, однако, для нас наиболее важным является необходимость коснуться вопроса о том, была ли для Финляндии в действительности опасность советского нападения в августе 1940 г. и насколько точными в данном случае являлись циркулировавшие о ней тогда слухи?

Знакомство с документами ряда военных архивов позволяет убедиться в том, что летом 1940 г. сосредоточения войск у границы с Финляндией не наблюдалось. Более того, с окончанием «зимней войны» все последующее время до июня 1941 г. в самом важном в стратегическом отношении районе - на Карельском перешейке стабильно находились шесть дивизий (две из них были лишь заменены) /31/.

4 июля 1940 г. из письма наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Б. М. Шапошнинова в Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову с предложениями, касавшимися управления войсками, их организации и дислокации, можно видеть, что вопрос об увеличении или концентрации соединений и частей в Ленинградском военном округе вообще не ставился. В письме говорилось, что «по сравнению с существующей дислокацией войска ЛВО сокраща-

ются на восемь стрелковых дивизий, четыре корпусных арт[иллерийских] полка и три полка РГК». Семь дивизий из числа указанных восьми перебрасывались в Западный особый военный округ. Всего же на обширной территории ЛВО оставалось 17 дивизий /32/.

На заседании военного совета Ленинградского военного округа речь велась летом 1940 г. не о «концентрации войск у границы с Финляндией», а о том, что медленно создавались оборонительные укрепления на Карельском перешейке, а также в Заполярье и, как указывалось в одном из его постановлений, не было достигнуто «резкого перелома в методах руководства строительством». В свою очередь командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц ставил перед руководством Ленинградской партийной организации вопрос об оказании помощи гарнизону военно-морской базы Ханко в обустройстве ее до наступления зимы, в связи с большими трудностями в этом отношении /33/.

Характерно, что авиация Ленинградского военного округа до конца лета 1940 г. находилась в большинстве своем на Украине. С возвращением же в районы своего базирования серьезно осложнилась боевая подготовка летчиков из-за того, что в авиационные части не поступало горючее. А без него, как отмечал командующий ВВС округа А. А. Новиков, «летать не научишься». По его словам, «нормальная подача бензина началась вновь с октября месяца» 1940 г. /34/

Следовательно, не о подготовке к каким-то конкретным наступательным действиям против Финляндии думало советское командование, а о решении своих сугубо технических или оборонительных задач.

Но поскольку все же в конце лета действительно постоянно продолжали циркулировать слухи о концентрации советских войск у финской границы, то в данном случае необходимо прежде всего разобраться в их происхождении. Возникал в данном случае вполне резонный вопрос: каким же путем появлялись слухи о растущей угрозе Финляндии или, скажем, утверж-

дение о концентрации советских войск у финляндской границы?

Каналы, по которым распространялись слухи, как выясняется, были в большей степени связаны с германскими источниками. Информация поступала из Берлина от финляндского посланника Кивимяки, от немецких военных атташе в Таллинне, Каунасе и Риге. Происходило это на протяжении ряда дней с конца июля и до первых чисел августа /35/. Из Каунаса, в частности, сообщалось, что Советский Союз планирует во второй половине августа предпринять решительные действия против Финляндии в связи с чем выводит из Литвы и Эстонии моторизованные части /36/. По поступавшим в разведотдел финской ставки данным, группировка советских войск у границ с Финляндией должна была составить к 15 августа 23 дивизии /37/.

Чтобы проверить это по германским источникам финский военный атташе в Берлине В. Хорн получил из Хельсинки 7 августа задание срочно связаться с начальником отдела по изучению иностранных армий Востока в генштабе сухопутных сил полковником Э. Кинцелем /38/. Очевидно, что немецкая разведка не стала опровергать тревожившие финское командование сведения. В пользу этого предположения говорит тот факт, что Кейтель 10 августа следующим образом проинформировал ведомство Риббентропа: «Слухи о движении русских войск указывают на имеющуюся угрозу» /39/. Так что и Кивимяки мог получить из МИД Германии такую информацию.

Но волна беспочвенных слухов, не нашедших реального подтверждения, вскоре спала. А из Берлина поступали сообщения, вселявшие определенный оптимизм. В частности, 16 августа руководитель отдела сухопутных сил вермахта по связям с военными атташе Ф. В. Меллепф заявил, что Финляндия может все больше полагаться на Германию, которой теперь «легче оказывать давление на Россию» /40/.

В результате можно уже предположить, что циркулирующие по поводу Финляндии «слухи», а точнее дезинформация о концентрации советских войск на границе с Финляндией

исходила в большей своей частью от соответствующих служб Германии (а такого рода акции, как известно, нередко практиковались Гитлером). Она очевидно имела целью дополнительно воздействовать на политические и военные круги Финляндии, побудив их к еще большей решительности в определении последующей позиции в отношении Советского Союза и предоставлении без колебаний возможности немецким войскам размещаться на финской территории. Не случайно, очевидно, 16 августа в отделе изучения иностранных армий главного командования сухопутных войск Германии стали выяснять у финского военного атташе насколько способна Финляндия к активным действиям «в обороне» /41/.

В целом попытка СССР оказать дипломатическое давление на Финляндию в условиях растущего ее сближения с рейхом, была весьма эффективно использована в том, чтобы еще больше укрепить данное сотрудничество, мотивируя это «советской военной угрозой». При этом вплоть до настоящего времени у некоторых весьма авторитетных финских историков нет уверенности в том, что распространявшиеся слухи о «концентрации советских войск» у финляндской границы являлась дезинформацией /42/. Таким образом вопрос о «советской военной угрозе» прочно закрепился в Финляндии в представлениях о перспективах будущего развития событий и эти представления сохранились до наших дней. Однако несомненным является и то, что в обстановке, которая сложилась летом 1940 г. в Хельсинки без колебаний согласились открыть свою границу для немецкой армии и тем самым Финляндия казалась единственной страной в мире, где было принято такое решение добровольно.

Что же касается СССР, то можно утверждать, что данное развитие событий, очевидно, означало явную неудачу в действиях советской дипломатии по отношению к Финляндии.

В конечном итоге процесс пошел в плане осуществления крупномасштабного военного планирования боевых действий против нее, но уже позднее - осенью 1940 г., когда на финской территории стали прочно закрепляться немецкие войска.

1. Korhonen A. Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Jatkosodan synty. Porvoo - Hels., 1961. S. 40.
2. Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. II osa. Porvoo - Hels., 1959. S. 70.
3. Sota-arkisto (далее: SA). S Ark 19932/4 (1940). Бюллетени разведки о военно-политическом положении в различных странах, 15.5.1940.
4. Paasikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S.81.
5. Ibid. S.70
6. Цит. по: Петров. П. В. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1940 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 182.
7. Там же.
8. Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 81.
9. Архив Внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 26.
10. Сеницын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 98.
11. Архив штаба Ленинградского военного округа (далее: АШ ЛВО). Ф.1. Оп. 2340. Д. 15. Л. 80.
12. Paasikivi. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S.130.
13. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 525.
14. Сеницын Е. Резидент свидетельствует. С. 84.
15. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985. С. 30.
16. АВПРФ. Ф. 0135. Оп. 23. П. 147. Д. 1. Л. 37.
17. Paasikivi. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939 - 41. S. 72.
18. Ulkoasianministeriön arkisto (далее: UM). 12 L / 26. UM:n katsaus № 74, 8.8.1940.
19. Известия. 1940. 2 авг.
20. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн.1. С. 525.
21. Paasikivi. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 75.
22. UM, 12 L / 26. UM:n katsaus №74, 8.8.1940.
23. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн.1. С. 380.
24. Paasikivi. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 94.
25. Ibidem.
26. Ibid. S. 178 - 179.
27. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн.1. С. 407.
28. Там же. С. 553.
29. Там же. С. 660 - 662.
30. Paasikivi. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 112.
31. Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 37977; Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-1877; РГВА, ф. 25888, оп. 13, д. 37, л. 45.
32. Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 20.
33. АШ ЛВО. Ф. 1. Оп. 1859. Д. 3. Л. 25; Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4331. Л. 175.
34. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 117 - 118.
35. Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987. S.113.
36. Reimaa M. Puu ja kuoren välissä. Hels., 1982. S.294.
37. Myllyniemi S. Suomi sodassa 1939 - 1945. Hels., 1982. S.199.
38. Sota-arkisto (далее: SA). S Ark 2139/35. Донесение военного атташе из Берлина, №39.
39. Documents on German foreign policy 1918 - 1945. Ser. D. Vol.X. London, 1957. P. 460.
40. SA. S Ark 2139. Донесение военного атташе из Берлина, №25.
41. Ibid. Телеграмма из Берлина 16 августа 1940 г.
42. Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 114.